

А.И. ГЕРЦЕН И М.А. БАКУНИН О «ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ» (40–60-е гг. XIX в.)

Рассматриваются взгляды русских народников по национальному вопросу в истории Российского государства. Раскрываются революционные варианты, предлагавшиеся социалистами для разрешения польско-русских противоречий.

Ключевые слова: русские революционеры; польский вопрос.

Русско-польские отношения – один из наиболее острых и постоянно обсуждаемых вопросов второй половины XIX в. Причиной, прежде всего, была «неуспокоенность» Польши, не смилившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся русификаторской политике царского правительства. Интерес русских социалистов к «польскому вопросу» был значительным. Чаще других к событиям в Польше обращались А.И. Герцен и М.А. Бакунин. Оба считали взаимоотношения двух славянских народов сложными и неоднозначными как в прошлом, так и в настоящем. Но главное, что трагически объединяет судьбы России и Польши и одновременно противопоставляет два народа, – участие России в разделах Польши: «Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная победа соединила Польшу с Россией... Из-за Польши Россия приняла первый черный грех на душу. Раздел ее останется на ее совести. Менее преступно было бы взять сразу всю Польшу за себя, чем делиться ею с немцами» [1. С. 87]. С данной оценкой солидарен М.А. Бакунин: «...русское сердце обливается кровью от боли и стыда, что немецкие обладатели русского скипетра жестоко предали братский славянский народ германским тиранам» [2. С. 58].

В то же время М.А. Бакунин указывал на историческую ответственность русского народа за деяния Российской Империи. Отношение к России в Европе было очень непростым и противоречивым: «...имя русского является синонимом грубого угнетения и позорного рабства», и этот русский, по мнению той же Европы, «есть не что иное, как гнусное орудие завоевания в руках ненавистнейшего и опаснейшего деспотизма» [3. С. 39]. Но, говоря пусть даже о косвенной вине русских за агрессию царизма, империи, ни Бакунин, ни Герцен не ставили знак равенства между понятиями «государство» и «народ». В речи 29 ноября 1847 г. М.А. Бакунин говорил про подавление польского восстания 1831 г.: «Эта война была начата в интересах деспотизма, а никак не в интересах русской нации, ибо эти две категории совершенно противоположны друг другу» [3. С. 40].

В работах М.А. Бакунина и А.И. Герцена неоднократно повторялась мысль о том, что русский народ тоже угнетен, причем той же силой, что поработила Польшу – самодержавием. Только этот гнет по отношению к русским носит социальный характер. Следовательно, у польского и русского народов один враг, и революционный союз двух народов возможен и необходим. М.А. Бакунин подчеркивал, что, держа Польшу в рабстве, русский народ сам становится рабом и этим убивает себя окончательно, «...ибо уродливо, нелепо, преступно, смешно и практически невозможно в одно и то же время восстать во имя свободы и притеснять соседние народы» [4. С. 1026]. Более того, через освобо-

ждение Польши придет освобождение России: «Польша это стрела в русском теле, через унижение Польши истекает кровью русская деспотия, крест, на котором она распинает мученика, будет ее собственным позорным столбом, у которого она окончит свою мирскую жизнь» [2. С. 58].

Еще в ноябре 1847 г. на торжестве, посвященном восстанию в Варшаве 1831 г., М.А. Бакунин высказал мысль, которая легла в основу всей его дальнейшей революционной деятельности: освобождение славянских народов возможно только через свободу России. По мнению М.А. Бакунина, революционный союз между поляками и русскими зародился еще в 1824 г., когда русские заговорщики – декабристы первыми переступили через пропасть, которая разделяла народы двух стран. Это произошло в силу того, что «декабристы слушались только своего патриотизма, не обращая внимания на предубеждения, которые для поляков были сильнее по отношению ко всему, что носило имя «русское». Русские обратились к полякам без недоверия, без задней мысли, они предложили им общее действие против общего врага, против единого врага» [3. С. 45]. Эти страницы прошлого – гордость каждого русского, который любит свое Отечество. И это прошлое, эти люди, по мнению М.А. Бакунина, – «...наши доказательства перед вами (поляками. – В.К.) и перед миром, что Россия содержит в себе элементы свободы и истинного величия. Стыд, стыд тому из нас, кто не признает этого» [3. С. 45].

А.И. Герцен трактовал польский вопрос как вопрос по преимуществу русский, т.к. освобождение Польши нужно России не меньше, чем полякам. Борьба поляков за независимость предстает как борьба свободных личностей против силы бесправия. Но в таком случае все, кто выступает против бесправия и произвола, являются естественными союзниками поляков и должны их поддерживать. Обращаясь к русским, А.И. Герцен говорил: «Соединитесь с поляками на общую борьбу за нашу и их вольность, и грех России искупится, и мы с гордостью и умилением скажем когда-нибудь миру: Польша не сгнула бы и без нас, – но мы облегчили ей тяжкую борьбу» [1. С. 93]. Указывая на царизм как на общего врага польских и русских революционеров, А.И. Герцен отмечал, что методы, используемые самодержавием в борьбе с революционным движением в Польше и России, не различаются. Давая оценку действиям русской армии при подавлении польского восстания 1863 г., он писал: «Это полицейское усмирение войсками, это те же ружья, которые стреляли в Бездне, это те же приклады, которые били петербургских студентов, это те же штыки, которые будут колоть крестьянина русского... за то, что он хочет с волею землею» [5.

С. 26]. А.И. Герцен, очевидно, преклонялся перед участниками польского национально-освободительного движения. В польских повстанцах 1863 г. А.И. Герцен видел героев, в которых «изящно сочетались два великих наследства двух великих покойников: все чистое, восторженное и преданное рыцаря, со всем доблестным и могучим древнего римского гражданина» [5. С. 26].

В то же время, при очевидной солидарности А.И. Герцена и М.А. Бакунина с польским национально-освободительным движением, между ними существовали значительные идейные и доктринальные разногласия. А.И. Герцен осознавал, что сама идея свободы трактуется по-разному. Поляки боролись прежде всего за свободу национальную, в то время как народники своей целью ставили борьбу за свободу социальную. О сложностях, возникавших в связи с этим, А.И. Герцен вспоминал позже в книге «Былое и думы». Расхождение взглядов было существенным и мешало стратегическому союзу русских и польских революционеров, основой которого должно было стать не только наличие единого врага, но и единство целей [6. С. 135–136]. На данное обстоятельство указывал М.А. Бакунин в письме А.И. Герцену и Н.П. Огареву от 1 августа 1863 г.: «Да, с поляками нам трудно. Знаете ли, что Демонтович (один из руководителей польского восстания 1863 г. – В.К.) мне напоследок сказал? Что он не только не желает, но боится, как страшного зла, русской революции и что если бы ему пришлось выбирать между новой победой императорства и перед спасением Польши через русскую революцию, то он хотел бы скорее временной диктаторской победы, потому что от императорства будет еще возможность рано или поздно освободиться, в то время как революция социальная, русская, вызвав наружу польское варварство, окончательно затопит русскую цивилизацию» [7. С. 234–235]. Но противоречия с аристократической верхушкой польского освободительного движения не лишали М.А. Бакунина надежды на «хлопскую Польшу» и «хлопскую», т.е. крестьянскую, революцию, которая, начавшись в Польше, неминуемо должна была распространиться дальше на восток и, охватив Украину, Литву и Белоруссию, перекинуться в Великодержавию [4. С. 1028].

Необходимость радикализации польского национально-освободительного движения и сочетания в его требованиях национальных и социальных задач красной линией проходит через работы А.И. Герцена и М.А. Бакунина. По-настоящему союзнические отношения польских и русских революционеров будут возможны только на почве социальной борьбы, равно как союз и дружба Польши и России будут действительно прочными после социальных революций и преобразований. М.А. Бакунин и А.И. Герцен были сторонниками компромисса с польским освободительным движением. Его достижение по программным вопросам было воспринято А.И. Герценом как общая победа [8. С. 369]. А.И. Герцен писал, что ему легко идти с поляками после признания теми «прав крестьян на землю, обрабатываемую ими» [9. С. 249]. Поэтому он желал Польше добиться независимости, чтобы та явилась «славянским поюневшим атлетом, подавшим одну руку бедному хлопцу, а другую – равноправному соседу» [9. С. 250]. В то же время нельзя считать, что народники до-

бывались включения социальных требований как условия поддержки национально-освободительной борьбы поляков. Эта поддержка была постоянной и безусловной.

В исторической литературе достаточно часто указывается на больший, чем у А.И. Герцена, радикализм в воззрениях М.А. Бакунина по национальному и, в частности, польскому вопросу. Представляется, что такое впечатление может сложиться из-за разной частоты обращения к польским событиям, различий в причинах, проблематике данных обращений, в свою очередь, вытекающих из специфики общественной и революционной деятельности М.А. Бакунина и А.И. Герцена. М.А. Бакунин, занимавшийся преимущественно практически-организационной деятельностью, акцентировал внимание на странах и регионах, находившихся в кризисной либо в революционной ситуации. Его внимание к Польше всегда усиливалось в периоды восстаний и иных социальных катаклизмов. Проблематика речей и публицистики М.А. Бакунина о событиях в Польше поэтому всегда связана с революционной темой и выдвигаемые задачи носят радикальный характер. А.И. Герцен, особенно в период деятельности в «Колоколе», к польской теме обращался постоянно в периоды всплеска национальной и социальной борьбы и в периоды затишья. Главной своей задачей А.И. Герцен считал необходимость постоянно будировать русскую общественность, напоминая об ответственности за происходящее в Польше, за ее угнетение. «Колокол» активно формировал у читателей представление, что в России есть силы, способные поддержать поляков в борьбе. А.И. Герцен писал, что меняются настроения даже в армии. Если во время польских событий 1831 и 1849 гг. русские офицеры и солдаты были верны самодержавию, то в 1861 г. солдаты отказались стрелять в демонстрантов в Варшаве [10. С. 44–45].

Начавшееся 15 января 1863 г. восстание в Варшаве вызывало у А.И. Герцена противоречивые чувства. Он обвинил царское правительство и польскую аристократию, ничего не сделавших для предотвращения кровопролития. Их близорукая политика вызвала братоубийственную войну. Он писал, что вновь руками русских солдат пытаются задушить польскую свободу. А.И. Герцен подчеркивал трагизм положения русских воинов, вынужденных либо быть палачами людей, вызванных на восстание, либо идти против своих [5. С. 25–26]. Но если отношение А.И. Герцена к восстанию неоднозначно, то поддержка восставших очевидна: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию, мы со стороны поляков потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польши потому, что мы хотим свободы России. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих. Да, мы против империи потому, что мы за народ» [11. С. 9].

Оптимальным решением национального вопроса, в том числе польского, М.А. Бакунин и А.И. Герцен считали создание славянской федерации. М.А. Бакунин еще в 1848 г. призывал славян к революции, которая уничтожит поработившие их империи. Ликвидацию империй, в том числе российской, и обретение суверенитета народами он полагал необходимыми начальными условиями строительства общеславянского союза. М.А. Бакунин не скрывал ненависти к «поганой все-русской империи»: «Хотим, чтобы Польше и Литве, Украине, финнам и латышам, прибалтийским, а также

кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою, и устроиться по своему произволу без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного» [2. С. 60].

Рассуждая о политических основах всеславянской федерации, М.А. Бакунин одним из важнейших принципов считал принцип независимости и самоопределения народов. Несмотря на общие черты характера и общежития, у каждого славянского народа есть свои особенности, и «поэтому каждый народ может себе по своей воле дать такое правление, какое соответствует его обычаям, потребностям и его условиям» [12. С. 89].

Хотя дело революционного освобождения славян, по мнению М.А. Бакунина, начнется не в России, а других славянских странах, и только потом революция произойдет в России, именно она (Россия) возглавит славянский мир в федерации, ибо у русского народа есть будущность, «которая, наверно, будет опорой и силой славянства» [3. С. 41]. Эта будущность кроется в скрытом, подавленном пока демократизме русского народа. Говоря о потенциальном лидерстве России в будущей федерации, М.А. Бакунин подчеркивал, что оно возможно, только если Россия сохранит и укрепит доверие со стороны славянских народов. Он категорически исключал любую русификацию славянской федерации. Солидарность и братство России со славянскими или другими народами не должны породить того, чтобы «великороссийская национальность» стала «национальностью целого мира». Безнравственно требовать от народов такой платы за их освобождение. Принцип солидарности в отношении независимости и абсолютной свободы народов связан с принципом самоопределения; ведь федерация основывается на понятии народа как единого целого. Каждый народ имеет право быть самим собой, независимо от обитаемой им территории, национальных задач, культуры языка. Но как конкретно будет реализовываться самоопределение, М.А. Бакунин решать не брался. Все будет зависеть, говорил он, «...от степени самостоятельности стран и народов, от их способности или неспособности жить между собой... чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут» [4. С. 1027]. М.А. Бакунин высказывал убеждение, что без польского «велико-славянского народа... славянский мир был бы неполон, ощутил бы ничем невместимую пустоту, был бы лишен своего венца» [4. С. 1027]. М.А. Бакунин помнил о сложности и неоднозначности польско-русских отношений, но считал, что революция может изменить и очистить их. В процессе освобождения русский и польский народы смогут стать «братьями, потому что братство... необходимо для общеславянского дела» [4. С. 1027]. Идеал демократической свободы объединит эти народы. Более того, учитывая революционный потенциал, великую историю Польши, М.А. Бакунин не исключал, что она станет одним из центров влияния в будущей федерации: «Всякому народу, всякому малому и великому племени» будут «вполне предоставлены возможности права поступать по воле»; быть ли ему в «польской ли, русской ли или общеславянской федерации» [4. С. 1027].

А.И. Герцен неоднократно подчеркивал, что обретение Польшей суверенитета должно стать исходным пунктом построения последующих отношений:

«Польша, как и Италия, как и Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России. Желаем ли мы, чтоб свободная Польша отторглась от свободной России, – это другой вопрос. Нет, мы этого не желаем...» [6. С. 18]. Будущее русско-польских отношений представлялось А.И. Герцену в виде федерации свободных национальных государств: «Федеральное соединение должно быть вольным даром, Россия не имеет прав на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сделали ее руками, и если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставить ей воли мы не можем, не отрекаясь от всех основных убеждений наших» [6. С. 18].

Народники понимали, что в русско-польских отношениях накопилось множество проблем, которые требуют разрешения и в новых, послереволюционных условиях. В польском национально-освободительном движении господствовала идея восстановления Речи Посполитой «от моря до моря». М.А. Бакунин был уверен, что поляки сделают огромную ошибку, ставя вопрос таким образом. Но он полагал, что их ошибка понятна и прощательна: поляки лишены своей национальности, страдают под страшным и унижительным гнетом, со страстной грустью смотрят на свое прошедшее [13. С. 1026].

История Польши показывает много примеров величия и благородства. Но, по мнению М.А. Бакунина, народ, живущий воспоминаниями о прошлом величии, может утратить будущее. Кроме того, возврат к старым границам Польши нарушит права народов Литвы, Белоруссии, Украины. Ведь национальное угнетение существовало и в Польше, где все считались поляками, а мнение «черного люда» никого не интересовало.

Свобода, о которой ностальгирует польская аристократия, была свободой для панов, шляхты. Как с иронией писал М.А. Бакунин, «свобода в античном смысле», когда свобода немногих избранных сочеталась с рабством большинства. Он сомневался, что крестьяне украинские, курляндские, да и польские захотят возвратиться к «старым добрым временам» сословности и феодализма.

Поэтому, повторял М.А. Бакунин, «я думаю, поляки ошибаются, когда, не спрашивая украинский народ, они вперед присваивают себе Украину лишь на основании исторического права» [4. С. 1026]. Он не брался определять будущие границы, делегируя подобное право самим народам. Для М.А. Бакунина принципиальна свобода выбора «всякого малого и великого племени», это категорическое требование он повторял его неоднократно [4. С. 1026].

М.А. Бакунин отвергал вероятные обвинения со стороны «николаевских патриотов» в стремлении развалить Россию, отторгнув в пользу Польши Литву, Украину, Белоруссию: «Я говорю только, что для меня и для всех единомышленников моих, а нас много, верховный закон – это воля самих народов» [4. С. 1027].

Логика М.А. Бакунина выглядела следующим образом. Распад Российской империи зреет в её недрах. Само самодержавие жестоким угнетением народов готовит освободительные революции. Перспектива утраты

западных земель России в результате этих революций реальна, если ничего не менять. Польша вольна делать, что захочет, но «патриоты» кричат об опасности восстановления сильного польского государства, как монархии, подобно Речи Посполитой XVI–XVII вв., враждебной Русскому государству. Такую вероятность Бакунин отрицал: «Неужели вы не видите, что возможна только одна хлопская Польша. Ведь панскими программами ни одного хлопа не расшевелишь» [4. С. 1026].

Другое дело, если Польша раньше России встанет на путь социальных преобразований. Тогда она станет притягательным примером для других народов, центром славянской федерации. Тогда для России возможна реальная угроза быть отброшенной к границам Азии: «Итак, весь вопрос в границах возвращается к тому, что прежде осуществится: Хлопская Польша или крестьянская Россия» [4. С. 1027]. В любом случае М.А. Бакунин считал приоритетной задачу создания союза для совместной борьбы с царским правительством: «...нужны дела и к делу мы готовимся. Не мы одни, вся Россия с нами готовится. Вопрос в том: подаст ли нам Польша руку на дело? Чтобы действовать сильно против общих врагов, надо действовать вместе. А для того, чтобы действовать дружно, надо сговориться» [4. С. 1026].

А.И. Герцен также осознавал сложность и запутанность ситуации с определением будущих государственных границ между Польшей и Россией, стремился найти такие варианты решения данной проблемы, чтобы они не стали поводом к вражде между двумя народами. В отличие от М.А. Бакунина, неоднократно повторившего о необходимости уничтожения всех Европейских империй (и Российской в том числе), А.И. Герцен противопоставлял будущее Австрийской империи и России: «Империя австрийская не имеет никакой будущности; когда ее отменят, тогда только люди удивятся, как могла существовать такая нелепость, сшитая из лоскутков конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображениями» [6. С. 19]. Россия, напротив, «такая же живая личность как Англия, как Франция». Более того, по мнению А.И. Герцена, эти страны уже сходят с исторической арены, а Россия «только вступает на плац, на народное место в истории» [6. С. 19]. Он полагал, что в России сформировалось национальное единство, «сходное по крови, по языку, по духу». Такой результат достигнут в ходе длительной исторической эволюции, поэтому: «Каждый русский осознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением, воспитанным в том же сельском быту со своим общинным порядком и разделением полей» [6. С. 19]. По Герцену, важным элементом чувства самоидентификации русского народа являлось ощущение единого пространства, им занимаемого, и необходимость защиты границ от внешней агрессии: «Оттого-то, где бы русский ни жил в огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он прислушивается, когда враги переходят русскую границу и готов идти на помощь Москве так, как шел в 1612 году и в 1812 годах» [6. С. 20]. А.И. Герцен подчеркивал важность вопроса о границах, поскольку это один из существенных элементов российского менталитета. При этом любовь к своей Роди-

не, своему народу не должна перерастать в национальный эгоизм, а патриотизм – в шовинизм. В будущем социализм уничтожит национальные границы, но пока вопрос весьма актуален [6. С. 20].

По мнению А.И. Герцена, в народном сознании русских идентичность поляков как отличной, отдельной нации безусловна, но «...где черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша?» [6. С. 20]. Исторически граница постоянно «блуждала», перемещаясь то на Восток, то на Запад в результате войн, переменным удачным для России либо Польши, но Герцен – категорический противник разделения государства «по праву завоевателя», т.к. «завоевание – факт, а не право» [6. С. 21]. Он размышлял о возможности выбора в качестве разграничительного критерия языка, религии: «Там, где народ исповедует православие, говорит языком, близким более к русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, сходку, общинное владение землей – там он, вероятно, захочет быть русским. Там, где народ исповедует католицизм или унию, там, где он утратил общину и общинное владение землей, – там, вероятно, сочувствие Польше сильнее и он пойдет с ней» [6. С. 21].

А.И. Герцен призывал не уподобляться участниками Венского конгресса и других вершителей судеб народов, проводивших границы без согласия и участия самих народов. Главное слово должно оставаться за украинским народом. Он, испытавший и польский и русский гнет, вправе сам решать свое будущее: «Помоему, вопрос разрешается очень просто. Украину следует в таком случае признать свободной и независимой страной. У нас, людей изгнания, – печальных свидетелей стольких неудачных сочетаний и распадений, не может и не должно быть речи о том, кому должна принадлежать та или иная часть населения» [6. С. 21–22]. А.И. Герцен был уверен, что украинцы не потеряли чувства народности, напротив – родовое сознание у них очень развито [6. С. 22]. Поэтому не надо решать за народ и перетягивать его насильно в чье-либо государство. Право на самоопределение должно быть универсальным. Как русские не могут быть свободными, угнетая поляков, так и поляки, освободившись, должны признать право украинцев на государственность: «...что же это будет за шаг к их освобождению, когда, снимая московские цепи, им скажут, что они должны принадлежать Польше» [6. С. 22]. А.И. Герцен призывал дать свободу развития украинскому языку, культуре, и тогда станет реальной перспектива равноправного союза братских, славянских народов [6. С. 22]. Он подчеркивал преимущества федерализма; ведь при условии реального равноправия не будет необходимости разрывать сложившиеся исторические связи. Но без решения социальных задач привлекательность такого союза ничтожна. Поэтому то государство (Россия или Польша), которое станет лидером в деле освобождения крестьян, строительства нового общества, сможет претендовать на роль центра славянской федерации [6. С. 23].

Таким образом, русско-польские отношения народники рассматривали как частную (хотя и важную) проблему в деле глобального освобождения славянских народов. Все славянские народы, в том числе русский, испытывали имперский гнет, национальный или социальный. Осво-

бождение возможно через всеобщую революцию. Поэтому польское национально-освободительное движение – естественный союзник русских революционеров-социалистов. Идея национального освобождения Польши бесспорна, но должна дополняться социальными требованиями. Вместе с тем, если М.А. Бакунин предполагал полное уничтожение имперской государственности и

создание федерации «снизу» путем добровольного объединения наций, то А.И. Герцен допускал сохранение российского многонационального государства с переходом от унитаризма к федеративным отношениям. При этом обретение Польшей суверенитета и исключительно добровольное присоединение к России являлись безусловными и обязательными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герцен А.И.* Поляки прощают нас // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 87–93.
2. *Бакунин М.А.* Воззвание к славянам // Избранные сочинения. П.; М.: Голос Труда, 1920. Т. 3. С. 47–63.
3. *Бакунин М.А.* Речь, произнесенная в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830 г. // Избранные сочинения. П.; М.: Голос Труда, 1920. Т. 3. С. 39–46.
4. *Бакунин М.А.* Русским, польским и все славянским друзьям // Колокол. 1862. № 122–123. С. 1021–1028.
5. *Герцен А.И.* Resurgexit! // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 25–27.
6. *Герцен А.И.* Россия и Польша // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 7–59.
7. *Бакунин М.А.* Письмо А.И. Герцену и Н.П. Огареву от 1 августа 1863 г. // Письма М.А. Бакунина А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб.: Издание В. Врублевский, 1906. С. 232–236.
8. *Герцен А.И.* Былое и Думы // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 11. 805 с.
9. *Герцен А.И.* Центральному польскому Комитету в Варшаве // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 249–250.
10. *Герцен А.И.* Vivat Polonia! // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 44–49.
11. *Герцен А.И.* MDCCCLXIII // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 17. С. 7–11.
12. *Бакунин М.А.* Романов, Пугачев или Пестель // Избранные сочинения. П.; М.: Голос Труда, 1920. Т. 3. С. 75–91.
13. *Герцен А.И.* Из Польши // Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 345–346.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 декабря 2008 г.